

Живая традиция села Юнда

В ноябре село Юнда Базинского района отметило впечатляющий юбилей - 360 лет с момента основания. Незадолго до этого круглую дату - двадцатилетие - отпраздновал юндинский бесермянский хор. Сейчас уникальную запись бесермянских крезей в исполнении хора готовит к изданию компания Кама records: в диск войдут аудиоматериалы недавней экспедиции, предпринятой этнографом Мариной Ходыревой и продюсером Александром Юминовым в рамках проекта «Новые песни древней земли».

Связь времен

Село Юнда впервые упоминается в переписи 1646 года среди селений Каринского стана Хвалынского уезда. По мнению краеведов, именно тогда на территорию Юнды из близлежащего селения Эляль переселились бесермяне. И началась уникальная история северного бесермянского села, где до сих пор сохранились явные отголоски традиционной культуры.

XX век обошелся с Юндой так же жестоко, как с сотнями сел и деревень в Удмуртии, да и по всей России. В 1929 году по распоряжению советских властей снесли недостроенное здание каменного трехпрестольного храма во имя Святой Троицы (к тому времени храм строили всем миром уже больше двадцати лет). В 1937-м закрыли и небольшую деревянную церковь. Сейчас в селе сохранилась всего одна постройка конца 19-го века - здание ветучастка. А вот национальная культура оказалась сильнее всех коллективизаций и перестроек. Хранили ее рядовые юндинцы, передавая из поколения в поколение секреты бесермянской кухни и песенного искусства.

Во второй половине XX века в Юнду пришла массовая культура. Молодежь вместо народных напевов начала распевать эстрадные шлягеры. Да и костюмы у сельчан были не национальные, а типовые, из сельмага. Бесценные сокровища национальной культуры так и забылись бы, потерялись, если бы не живой человеческий интерес. Иногда оказывается, что и один в поле воин. Ангелина Петровна Урасинова, жительница Юнды, по крови даже не бесермянка - удмуртка. Но, выйдя замуж за бесермянина, заинтересовалась традиционной культурой этого народа. Результатом ее увлеченности стал открывшийся в 1990 году краеведческий музей, который превратился в филиал Базинского краеведческого музея. Сейчас в двух комнатах бревенчатой избы, отведенной под музей, выставлены национальные костюмы, предметы традиционного быта бесермян, образцы народных ремесел. Будучи школьной учительницей, Ангелина Петровна Урасинова ввела на своих уроках традицию рассказов о бесермянской культуре (оказалось, что к этому времени дети в бесермянской деревне о традициях своего народа знали до обидного мало). Однажды, двадцать лет назад, она собрала пожилых женщин деревни у себя дома и за чашкой чая предложила им создать песенный фольклорный ансамбль. С тех пор они регулярно собираются и поют - дома, на праздниках в юндинской школе, на республиканских мероприятиях, выезжали в Ижевск и Москву.

В последние годы хором все-ррез заинтересовались ученые. Дело в том, что юндинские бабушки не просто исполняют древние крезы, но поют многоголосьем, как сейчас мало кто умеет. К ним приезжали этнографы не только из Ижевска, но и из родственных финно-угорских Финляндии и Эс-

нах, похоронах, приемах важных гостей - то есть на застольях.

Пока директор компании Кама records Александр Юминов настраивает звукозаписывающую технику и устанавливает над столом сверхчувствительный микрофон, этнограф Марина Ходырева вводит меня в курс дела. Вспоминает, что в 1990-х годах в ансамбле было полтора десятка исполнительниц, и их многоголосье звучало невероятно впечатляюще. Сейчас многих из поющих бабушек уже нет в живых, а тем, кто остался, за восемьдесят. Остаются последние возможности услышать их живое пение, не упустить традицию, сохранить ее хотя бы в записях.

Поднимаем стопочки с ядерной кумышкой, настоянной на лимонных корочках, пьем «за встречу». Принимаемся за угощение. У засмущавшихся было бабушек розовеют щеки, они начинают хитро перемигиваться и улыбаться. И заводят напев.

Бабушки ездили записываться для Фонда российской фольклорной комиссии РАН, они безо всяких репетиций ввели в крезь импровизированный рассказ на тему «Вот мы картошку-то дома не докопали, так нас в Москву позвали, сидим вот, поем, да хорошо петь-то...».

Рифмы в крезе нет, как нет и сюжета. Весь напев - чистая звукопись, подчиненная только ритму. Вот и сейчас, выводя напев, бабушки то новую строку свернут, то лишней раз слова-приказки пропоют. Видно, что они совершенно погружены в пение. И непонятно нам, оторванным от этой культуры, каким шестым чувством они понимают, что на этот раз расцветет напев именно такими мелодическими и звукописными узорами? Ведь не репетируют же! Неужели настолько тонко друг друга чувствуют, что интуитивно угадывают, куда каждая песню повернет? Такое взаимопонимание даже у профес-

слог. А в обрядовых песнях мелодика и ритмика таковы, что ударение переносится на первый слог. Когда бабушки поют свадебный крезь, они даже притопывают ногой на этом ударном первом слоге (музыканты бы сказали: играют сильную первую долю). Учитывая это, ученые высказывают предположение, что в глубокой древности в удмуртском языке все ударения ставились на первый слог и лишь позднее, под влиянием тюркских языков, ударение сместилось в конец слова.

Кончается крезь так же неожиданно, как и начался. Некоторые бабушки еще выпевают мелодию, а одна уже спокойно просит соседку по столу: «Дай-ка мне вон ту ватрушку». И все переходят к неторопливой застольной беседе, чтобы минут через десять так же, без всякой паузы или «отмашки», запеть снова.

Пока бабушки поют, мы, замев, слушаем. Потом присоединяемся к общему застолью. Обед настоящему деревенский. Салат из осенних овощей, мясной суп, домашняя стряпня. Больше всего удивила мясная ватрушка, похожая на огромную перепечку, но из пушистого сдобного теста, с глянцевой корочкой омлетной массы. Запах и вкус - сумасшедшие! Спрашиваю: «Как вы эту вкуснотищу называете?» Жду необычного удмуртского или бесермянского названия, но в ответ слышу: «Удмуртская пицца».

Вот так - и сюда, в маленькую бесермянскую деревню, глобализация докатилась. Хочется людям соответствовать нынешней моде. И нечаянно, сама собой теряется уникальная национальная традиция, подменяется чем-то сиюминутным... Милые бабушки, да ни одна съеденная мною пицца (ни в России, ни в Европе) и рядом не лежала с этой волшебной вкусной шанежкой-перепечкой. Берегите ее рецепт и название вспомните! Глядишь, внуки, устав в городе от пиццерий, вам спасибо скажут. А ведь с песенной культурой то же самое происходит: забывают люди ее корни. В одной из прошлых поездок Марина Ходырева и Александр Юминов заметили, что бабушки-удмуртки старинные песни пытаются петь едва ли не на эстрадный лад - чтобы «моднее» выходило...

P.S. Запись юндинского фольклорного ансамбля получилась отличная. Она будет выпущена четвертым диском в серии «Новые песни древней земли». Первые три альбома, также посвященные аутентичному фольклору Удмуртии, в свое время вызвали многочисленные восторги и широкой публики, и фольклористов, и профессиональных музыкантов. Руководитель хоровой капеллы «Avis Cantu» Анатолий Щербakov из крезей сделал целую программу, где аутентичная традиция соединилась с академической. Диски серии попали и за пределы республики и страны, вызвали там живой отклик и очень высокие оценки. Столичные ученые были ошарашены: они не думали, что в провинции может существовать что-то подобное. Можно верить, что такая же судьба уготована и новой записи. Жаль только, что власти не торопятся финансировать проект, который направлен на сохранение уникальной традиции.

Анна ВАРДУГИНА

Учитесь, пока мы живы...

В Удмуртии о существовании хора знали, но делать профессиональные записи не спешили. Изданный в 1992 году по следам первой экспедиции Марины Ходыревой и Александра Юминова диск оказался единственной (!) на то время подборкой аутентичного бесермянского фольклора, адресованной широкой аудитории. Недавно они организовали повторную экспедицию в Юнду. К счастью, в машине нашлось свободное место, и меня, журналистку, взяли с собой.

Остановить мгновение

В Юнду мы добрались к обеду. Нас приняла в своем доме Ангелина Петровна Урасинова. Чтобы по осенней прохладе не мерзли ноги, выдала вязанные носки. Пришли бабушки, поющие в хоре. В считанные минуты был накрыт большой стол. Конечно, юндинские бабушки могли устроить нам «показательные выступления»: выстроиться рядком и спеть весь свой репертуар. Но гораздо интереснее, да и ценнее было сделать запись их пения в традиционной атмосфере. Бесермянские крезы - это неотъемлемая часть повседневной жизни. Они поются на свадьбах, крести-

Мне казалось, я представляю, что такое хоровое пение. Выдерживается эффектная пауза, и певцы стройно, враз начинают выводить мелодию. После того как смолкает последняя нота, снова воцаряется тишина, которая дает знак: можно аплодировать. Здесь же песня оказалась частью общения. Не противопоставлялась ему, а была естественной его составляющей. Эти бабушки поют, как живут, это часть их природы. Неспешно разговаривают о чем-то, и вдруг одна запевает, многозначительно выводя каждую ноту. Как будто сама удивляется, что так красиво выходит. Оpozнав напев, к первой исполнительнице присоединяется вторая, третья... И вот уже все поют, чутко вслушиваясь в развитие мелодии. Крезь нельзя петь «автоматически»: древний напев каждый раз звучит иначе - в этом и заключается его уникальность. Конечно, есть постоянные элементы - зачин и конец напева, набор междометий и целых фраз, характерных для определенного крезья. Но и они будут варьироваться, меняться местами в зависимости от того, кто и в каких обстоятельствах поет. Эта свобода позволяет удивительно тесно связывать крезь с сегодняшней ситуацией. Например, когда несколько лет назад юндинские

сиональных джазовых музыкантов, всю жизнь практикующихся в импровизации, нечасто встретишь. А у бесермянских бабушек оно, видимо, в крови.

И очевидно, что пение доставляет им настоящее удовольствие. Они точно пробуют каждое слово на вкус, пропускают его из горла по языку, по зубам, отпускают губами - и, чтобы повторить эту радость смакования слова, повторяют его еще раз, и еще... Не случайно в крезях так много повторов, которые смысла напеву не прибавляют, но придают ему что-то завораживающее... И слова-то за много веков были отобраны, относящиеся к процессу говорения: «ой, да говорю», «скажу ведь еще раз», «вот ведь как хорошо поем-говорим» и т.д. Казалось бы, просто набор эмоционально заряженных, но почти бессмысленных фраз. Но именно эмоциональный заряд в соединении с повторяющимся ритмом создает совершенно потрясающий эффект. И ни разу бабушки не сбиваются с ритма - необычного, завораживающего. Ученые нашли в этом ритме подтверждение того, что традиционные крезы имеют очень древние корни. В современном удмуртском языке ударение в большинстве случаев ставится на последний